

Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2

*Уташ Борисович Очиров*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник
E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров У. Б., 2020

Аннотация. В статье рассматривается военная служба воинских формирований тюрко-монгольских народов Великой степи и прилегающих к ней территорий в составе российской армии в XVIII – начале XIX в. В этот период в составе иррегулярной конницы российской армии служили национальные формирования монголоязычных калмыков и бурят, тюркоязычных башкир, мишарей, тептярей, татар. В работе особый упор сделан на изучение наиболее многочисленных воинских формирований — калмыков и башкир. Несмотря на то, что в начале XVIII в. российская армия была реорганизована в регулярную, в ее составе оставался значительный иррегулярный компонент, в том числе и из числа тюрко-монгольских народов. Первоначально эти этносы самостоятельно формировали свои воинские контингенты, используя традиционную структуру, тактику и вооружение, но уже к концу XVIII в. все национальные воинские формирования были переведены на полковую организацию по образцу донских казачьих полков. В первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере, были рассмотрены особенности военной службы калмыков и башкир в привычной среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи анализируются действия тюрко-монгольской конницы в трех крупнейших войнах России XVIII – начала XIX вв. (Северной, Семилетней, Отечественной 1812 г. и Заграничном походе

1813–1814 гг.). В случае грамотного применения и руководства национальные формирования были весьма эффективны, причем не только на своих театрах военных действий в Великой степи, но и на европейских театрах. Использование национальных воинских формирований российской армии позволило не только существенно сэкономить финансовые и материальные ресурсы для охраны огромных территорий и протяженных границ, но и способствовало интеграции национальных элит указанных народов в имперское общество.

Ключевые слова: российская армия, национальные части, кочевники, Великая степь, калмыки, башкиры, русско-турецкие войны, русско-шведские войны, Семилетняя война, наполеоновские войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 2

*Utash B. Ochirov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ochirov U. B., 2020

Abstract. The article examines activities of Turko-Mongols to have inhabited the Great Steppe and adjacent territories in the military service of Russia throughout the 18th and early 19th centuries. The period witnessed the employment of ethnic military units of irregular cavalries Russian army recruited from the Mongolian-speaking Kalmyks and Buryats, Turkic-speaking Bashkirs, Teptyars, Mishar and Tatars. The work focuses on the largest ethnic military forces — those of the Kalmyks and Bashkirs. Despite Russian forces were reorganized to from a regular army in the early 18th century, the latter still contained significant irregular components, including ones recruited from Turko-Mongols. Initially, the ethnic groups had served as independent military contingents with traditional structures, tactics, and weapons, but by the late 18th century all ethnic forces were clustered into Don Cossack-type regiments. The first part of the article deals with the features of military service of the Kalmyks and Bashkirs in their usual habitat — in the Great Steppe. The second part of the article, which will be published in the next issue, analyzes the actions of the Turkic-Mongol cavalry in the three largest wars of Russia in the XVIII – early XIX centuries. (The Northern, Seven-Year War, the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaign of 1813–1814). Rational approaches and command of the ethnic units would yield good results — both in Eurasian plains and European battlefields. The use of ethnic forces within the Russian army not only saved essential financial and physical resources for the defense of large territories and dramatically long frontiers but also facilitated further integration of their elites into the Empire’s community.

Keywords: Russian army, ethnic units, nomads, Great Steppe, Kalmyks, Bashkirs, Russo-Turkish wars, Russo-Swedish wars, Seven Years’ War, Napoleonic Wars

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B. Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 2. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 10–39. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

В первой части статьи была проанализирована военная служба тюрко-монгольских народов в составе российской армии (на

примере двух этносов, выставявших наиболее многочисленные воинские контингенты — калмыков и башкир) в привычной для кочевников среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи рассмотрим участие тюрко-монгольских формирований в трех наиболее крупных войнах России исследуемого периода и оценим их боевой потенциал.

Первой войной, которую Россия начала в XVIII в., стала Северная война. Первоначально национальные контингенты не планировалось привлекать к боевым действиям на непривычном для кочевников северном театре. Коалиция, созданная против шведов, казалась и без того достаточно сильной, однако Карл XII стремительными ударами развалил ее: сначала выбил из войны Данию, затем разгромил русскую армию под Нарвой. Иррегулярная поместная конница в этих боях действовала крайне неудачно. Восстанавливая свою армию после поражения под Нарвой, Петр I решил задействовать казачью и национальную иррегулярную конницу. Весной 1701 г. 1 тыс. башкир и мишарей, а также 473 татарина вошли в отряд Б. Керейтова, который выдвинулся по Волге в Новгород, в корпус Б. П. Шереметева [Рахимов 2014: 123]. Однако часть башкир и мишарей были «безконны», поэтому в феврале 1702 г. половину отправили домой до весны с условием возвращения, но, потеряв лошадей от бескормицы, те отказались возвращаться [Рахимов 2014: 124]. Кроме того, в состав корпуса Шереметева вошли и чугуевские калмыки из Белгородского разрядного полка (в числе слободских казаков).

В Калмыцком ханстве в этот период шли междоусобные столкновения между Аюкой и его сыновьями во главе с наследником Чагдорджабом, поэтому воинские контингенты из ханства запрашивать не стали. Однако дербетовские улусы Менко-Темира, его сына Четеря и брата Черкеса, воспользовавшись междоусобицей, откочевали на Дон. Кроме того, на территории Донского войска в тот период кочевали зюнгарские улусы Баахан-тайши и Даши-Баатра (выделившиеся из улуса Цаган-Баатра, прибывшего на Дон еще в 1687 г. и кочевавшего отдельно от ханства), а также проживали юртовые калмыки, официально вошедшие в состав

донского казачества. Казачья старшина всегда с охотой принимала к себе калмыков, как «*добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных*» [Броневский 1834: 83]. Когда донские казаки начали снаряжать войско, то калмыки Дона также приняли в этом деле активное участие: Менко-Темир снарядил 900 калмыков, Даши-Баатр — 380, Баахан-тайши (в 1696 г. он в присутствии Петра I принял крещение и взял себе имя князя Моисея Алексеева, восприемником стал главнокомандующий русской армией князь А. С. Шеин) — 90, юртовые калмыки — 345 [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 14. Л. 4; 1743–1744 гг. Д. 52. Л. 5об.]. В 1702 г. этот отряд прибыл в корпус Б. П. Шереметева.

В 1701 г. армия Карла XII сражалась в Польше. На территории Лифляндии и Эстляндии остался 8-тысячный отряд генерал-майора В. А. Шлиппенбаха, на территории Ингерманландии и Финляндии — 7-тысячный отряд генерал-майора А. Крониорта. Корпус Б. П. Шереметева насчитывал до 30 тыс. человек, но значительную его часть составляла иррегулярная конница (московские, смоленские и новгородские дворяне, украинские городовые, запорожские, слободские, яицкие казаки, башкиры, татары, калмыки). В этих условиях Б. П. Шереметев решил сделать ставку на ведение «малой войны»: набеги на мелкие отряды и гарнизоны противника, уничтожение обозов, запасов продовольствия и фуража, нарушение коммуникаций и т. д.

Уже летом 1701 г. крупные отряды иррегулярной конницы провели первые успешные рейды «за *Свейский рубеж*». В декабре корпус Б. П. Шереметева вторгся в Лифляндию и 29 декабря нанес поражение отряду В. А. Шлиппенбаха в сражении при Эрастфере, одержав первую победу русской армии в Северной войне. В его составе были и иррегулярные части, но в основном из числа гетманских и слободских полков, а также смоленских и новгородских дворян. Из национальной конницы в битве участвовали 150 татар и 55 «курских» калмыков. В апреле 1702 г. в корпус Б. П. Шереметева прибыли донские казаки и калмыки [Максимов 2016: 53], которые сыграли важную роль в новой победе над В. А. Шлиппен-

бахом — под Гуммельсгофом (18 июля 1702 г.). Шведы были разбиты наголову и бежали, бросив артиллерию и обоз. После этого иррегулярные отряды могли уже без помех разорять весь край. Летом 1702 г. к ним присоединились башкиры. Вот как красочно крупнейший российский историк С. М. Соловьев охарактеризовал рейд корпуса Б. П. Шереметева в августе–сентябре 1703 г.: *«... пошел гостить в Эстонию таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг... и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии»* [Соловьев 1993: 8].

В 1704 г. Аюка, который восстановил контроль над улусами, принудил дербетов Менко-Темира и зюнгаров Даши-Баатра покинуть Дон, но некоторым мелким тайшам удалось остаться. Грамота Петра I от 18 июля разрешила им кочевать вблизи Черкаска и Азова, служить наравне с казаками и получать жалование [Максимов 2016: 55]. Однако в результате откочевки большей части дербетов и зюнгаров с Дона новое ополчение калмыков в корпус Б. П. Шереметева собрать не удалось. В сражении при Гемауэртсгофе 15 июля 1705 г., проигранным Б. П. Шереметевым, участвовало 250 башкир, 50 татар и всего 20 калмыков [Рахимов 2014: 126].

В 1704 г. в Башкирии вновь вспыхнуло восстание. На его подавление осенью следующего года был направлен Б. П. Шереметев, который взял с собой башкир своего корпуса. Он активно использовал своих боевых соратников в ходе переговоров и увещеваний повстанцев и даже достиг некоторых успехов, но в 1706 г. его направили на подавление Астраханского восстания, а восстание башкир вспыхнуло с новой силой и продлилось до 1711 г. Несмотря на продолжающееся восстание, летом 1708 г. тысяча башкир была направлена на службу в Прибалтику и участвовала в осаде Риги, капитулировавшей в июле 1710 г. За этот поход 45 воинов получили звание тарханов [Рахимов 2014: 130].

В 1706 г., когда основной вектор сражений переместился на польское направление, Петр I вновь мобилизовал иррегулярную конницу, в том числе донских и «ханских» калмыков. В первую очередь она использовалась в «малой» войне. Русский посол в Дании князь В. Л. Долгоруков писал 3 октября 1708 г.: *«И все приежие офицеры из обозу шведцкого в Стокгоlm единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаютца от войск царского величества, а особливо от калмык и от казаков, которые выпатца не дадут. Времянем принуждены болши недели по две и денно и ночью быть одетыми; и по фураж выехать не дадут»* [Письма... 1951а: 755]. Зюнгарский нойон Баахан-тайша (князь М. Алексеев) позже вспоминал, что во время похода в Польшу его сын Яким Обьяк был послан с 60 калмыками и 50 чугуевцами *«для взятья швецких языков»*. Под Люблином он разгромил отряд из 300 шведов и 200 поляков, из которых 30 взял в плен, еще *«уметалось человек с 30»*, остальных *«всех побили»*. Затем отряд Я. Обьяка под Варшавой разбил еще одну вражескую партию, захватил языков и два польских знамени [Митиров 2002: 226–227].

Калмыцкие воины своим экзотическим видом и «варварством» деморализовали противника, вынуждая иной раз уклоняться от боя или вовсе бежать. В одном из столкновений со шведской кавалерией драгуны выпустили вперед калмыков на верблюдах. Шведские лошади, учуяв их запах (как здесь не вспомнить победу Кира Великого над Крёмом в сражении при Птерии) *«так испугались, что подались и выбились из строя; тут русские напали на них и разбили их»* [цит. по: Иванюк 2019: 103]. 2 октября 1706 г. у р. Варта калмыцкая конница (до 4 тыс. чел.) при поддержке донских казаков атаковала польский обоз. Станислав Лещинский выслал против них 3 тыс. своих всадников, однако их заманили в засаду. В ходе 3-часового боя 10 полков великого коронного гетмана Ю. Потоцкого были разбиты наголову, убиты до 600 поляков. Л. А. Бобров, описывая этот бой, подчеркнул, что калмыкам противостояло не только шляхетское ополчение, но и регулярные *«драгуны и рейтары»* [Бобров 2009: 102]. Неудивительно, что ко-

мандиры летучих отрядов старались заполучить себе побольше казаков и калмыков, поскольку для ведения «малой войны» они подходили лучше, чем драгуны или конно-гренадеры. Например, Ф. О. Бартенев в письме царю от 19 сентября 1708 г. запрашивал себе в отряд казаков и калмыков, *«для того мы б с ними из обозу швецкого никою не выпустили... А ежели нам не изволишь пожаловать, не лутче ли изволиши отправить генерал-маеора Волконского с казаками и калмыками наперед или з боков швецкого корпусу»* [Письма... 1951а: 696].

Помимо «малой войны», калмыки принимали участие в крупных сражениях, например при Калише (1706 г.) в составе армии А. Д. Меншикова, у Головчина (1708 г.) в составе отряда фельдмаршал-лейтенанта Г. фон дер Гольца, у Лесной (1708 г.) в составе отряда генерал-поручика К. Г. Флуга (Пфлюга) и др. В 1709 г. калмыки вошли в состав Заднепровского корпуса фон дер Гольца, направленного в Польшу для срыва мобилизации польских войск Станислава Лещинского и сковывания шведского корпуса Э. Д. фон Крассова [Шовунов 1991: 133–135; Максимов 2016: 56–59].

Действия калмыцких конников были весьма эффективными, и 7 февраля 1709 г. Петр I приказал П. М. Апраксину добиться от Аюки-хана направления нового воинского контингента: *«По получении сего потрудитесь, дабы от Аюки получить к будущей весне, а имянно: к маию месяцу в службу нашу сюда к главной армии колмык добрых и с нарочитым и верным тайшою тысячи три. А буде толикого числа получить невозможно, то хотя две или по последней мере одну тысячу человек, и обещать им на рядовых против прежних примеров денги и прочее, а таише тому, також и знатым мурзам, дать знатную дачю... Конечно о сем, по всякой возможности, постарайтесь, зело нужно»* [Письма... 1951б: 83]. Крупный историк петровской эпохи П. А. Кротов в своей обобщающей работе о Полтавской баталии писал: *«Немаловажное значение монарх придавал присоединению к войскам большого отряда калмыцкой конницы»* [Кротов 2018: 308]. Аюка выделил 3 300 всадников под командованием своего старшего

сына и наследника Чагдорджаба. Правда, они смогли выступить от Волги лишь 8 июня и дошли к Полтаве 3 июля 1709 г., после разгрома шведской армии. П. А. Кротов этот более чем 1 100-километровый марш-бросок оценил так: *«продвижение калмыков к месту грядущей битвы действительно было столь стремительным, что трудно представить, как так можно гнать лошадей долгое время... Скачка от берега Волги была очень быстрой — конная выездка калмыков в дальнем походе была показана в полной мере — но путь был начат слишком поздно»* [Кротов 2018: 309]. Впрочем, отряд Чагдорджаба внес свой вклад, хоть и косвенно, в Полтавскую баталию. Слухи о скором прибытии *«30-тысячной калмыцкой конницы»* стали одним из факторов, спровоцировавших Карла XII на авантюрную атаку укрепленных позиций русской армии 27 июня.

В Полтавском сражении приняли другие отряды калмыков в составе мощной (до 23 тыс. сабель) группировки иррегулярной конницы. Хотя они не действовали в составе кордебаталии, но своими разведывательно-диверсионными акциями в период осады Полтавы буквально терроризировали противника. *«Непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм делали и лошадей отгоняли, и одни разом большие семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали»* [цит. по: Иванюк 2019: 294]. На потери шведской кавалерии отразилось и сокращение корма для лошадей, так как невозможно было выехать из лагеря без большой охраны. Один шведский фенрик в поисках хорошей травы для лошадей удалился от лагеря на 7–8 км, но, увидев несколько калмыков, вернулся. При этом офицеры удивлялись храбрости юноши, рискнувшего *«пасти лошадей так далеко»* [Иванюк 2019: 295–296].

По словам того же П. А. Кротова, *«Роль калмыцкой конницы в битве под Полтавой однозначно была велика. О калмыках говорится в немалом числе источников... Казаки и калмыки занимали лесные массивы, окружавшие поля битвы, полевые укрепления к северу от Побыванки, пребывали в лесу у Яковцов. Их*

атака из Малобудищенского леса во фланг двигавшихся следом за шведскими полками для прорыва сквозь редуты запорожцев обратила последних в безостановочное бегство... На левом фланге 2-тысячный отряд казаков, калмыков и татар принял самое серьезное участие в конном сражении и преследовании бегущих до Малобудищенского леса и далее. Казацкие, калмыцкие и татарские наездники преследовали спасавшихся бегством шведов и их союзников вплоть до неприятельского обоза у села Пушкаревка» [Кротов 2018: 316–320]. По мнению К. П. Шовунова, в ходе Полтавской битвы донские калмыки сражались в составе соединения генерал-поручиков К. Э. Ренне и Р. Х. Боура (Бауэра), а чугуевские калмыки — в составе соединения генерал-майора князя Г. С. Волконского [Шовунов 1992: 220].

После победы 27 июня «были посланы указы украинским полковникам и легкому конному войску калмыков, бывшему при фельдмаршал-лейтенанте Гольце, спешно следовать за шведским королем и перехватывать пути его к Турецкой области» [Письма... 1951в: 1009–1010].

Однако после этой кампании использование национальных контингентов в Северной войне фактически прекратилось (если не считать вышеупомянутой тысячи башкир, участвовавших в осаде Риги). По всей видимости, это было связано с тем, что шведская армия теперь не рисковала вести боевые действия в поле, и оставшиеся годы российские вооруженные силы занимались осадами крепостей и операциями на море. Эффективность иррегулярной конницы в таких действиях невелика, и отказ от нее был вполне логичным. В русско-турецкой войне 1710–1713 гг. и Персидском походе 1722–1723 гг. от калмыцкой конницы не отказывались, а, наоборот, старались использовать максимально интенсивно.

Следует подчеркнуть, что в нач. XVIII в. Петр I произвел кардинальные реформы в российских вооруженных силах. Прежнюю армию, в основе которой была иррегулярная поместная конница, состоявшая из дворян (получавших за несение военной службы земельные поместья, призываемых на службу по мере необходимости и обучавшихся самостоятельно) и «полурегулярных» стрель-

цов, сменила регулярная армия. Теперь основу вооруженных сил составляли части, укомплектованные профессиональными военнослужащими, которые несли постоянную военную службу и постоянно упражнялись в военных «экзерцициях». Тем не менее иррегулярная конница (прежде всего, казачья и национальная) по-прежнему занимает важное место в русской армии. Как видится, тому было три причины: численность войск, качество русской кавалерии и дефицит бюджета.

Для безопасности гигантской территории империи и охраны ее протяженных границ России требовались огромные вооруженные силы. Неудивительно, что, начиная с XVIII в., ее армия считалась самой многочисленной в Европе. По данным В. Д. Пузанова, ссылающегося на подсчеты обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, к 1725 г. в ней насчитывалось 340 тыс. чел., из которых 106 тыс. были иррегулярными. В состав последних входили 30 тыс. малороссийских, 14 тыс. донских, 12 тыс. слободских, 3 тыс. яицких, 9 тыс. сибирских городовых и линейных казаков. Оставшиеся 38 тыс. конников составляли контингенты из калмыков, казанских татар, башкир и мишарей [Пузанов 2016: 61]. На мой взгляд, количество национальных воинских формирований в подсчетах И. К. Кириллова было явно преуменьшено. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Дондук-Омбо выставял до 40 тыс. всадников, притом, что в его правление численность населения Калмыцкого ханства заметно уменьшилась по сравнению со временами Аюки. Но даже если принять цифры обер-секретаря Сената за основу, то очевидно, что к концу правления Петра I иррегулярная конница составляла почти треть армии, а национальные контингенты — девятую часть. В условиях хронического дефицита бюджета использование иррегулярной конницы, которая получала жалование (большой частью явно заниженное) только в период походов и которую не надо было обучать и содержать в мирное время, позволяло экономить огромные финансовые и людские ресурсы.

Кроме того, не следует переоценивать качество русской регулярной кавалерии 1-й пол. XVIII в. Для современной кавалерии европейского типа (особенно кирасиров) требовались рослые и

выученные скакуны, которых в России не разводили. Русские лошади в военном отношении были плохого качества, поэтому для службы в армии использовали низкорослых калмыцких и башкирских скакунов. Неудивительно, что в Северной войне почти вся регулярная кавалерия состояла из драгунских полков, хотя после Тридцатилетней войны их боевое значение в Европе считалось невысоким. Однако это был универсальный вид кавалерии (мог применяться как ездящая пехота), к тому же драгуны могли использовать низкорослых лошадей [Рахимов 2009: 13].

Хотя правительство и руководство российской армии осознавали эту проблему, но качество русской регулярной кавалерии не особо улучшилось и к началу следующей крупной европейской войны — Семилетней. По штатам, введенным в марте 1756 г., в составе русской кавалерии числилось: 6 кирасирских, 6 конно-гренадерских, 27 драгунских (в том числе 7 гарнизонных), 10 гусарских (в том числе 4 поселенных) полков. Однако качество большинства полков согласно воспоминаниям современников было невысоким. Генерал-аншеф (будущий фельдмаршал) А. А. Прозоровский в своих воспоминаниях о русской регулярной коннице того времени отозвался весьма пренебрежительно: *«О коннице же сказать можно, что ее не было»*. Большую часть регулярной кавалерии составляли драгунские полки, *«которые в рассуждении худого их содержания и неучения, почти не употреблялись»*. Вновь образованные (переформированные из драгунских) 6 конно-гренадерских и 3 кирасирских полка были *«мало способны»*, лишь старые кирасирские полки *«могли именоваться изрядною, но несовершенною конницей»* [Прозоровский 2003: 42].

Из 39 полков тяжелой и средней кавалерии для участия в войне было назначено 14 полков, но из них только два старых кирасирских полка *«не подлежали переформированию; 12 же полков должны были стянуться к границе, переменить конский состав, переранжировать людей по росту, перевооружиться холодным оружием (кирасиры огнестрельным и латами), изучить новый устав, а 8 полков — переобмундироваться»* [Масловский 1886: 33–34]. Немало проблем было и с качеством конского состава

ва (тем более что Военная коллегия в 1756 г. потребовала производить закупки лошадей в России, запретив поставки дорогих выученных скакунов из-за рубежа), и с их обучением (так как много времени тратилось на пограничную службу, на поиски пастбищ для подножного корма или сенокошения). К лету 1757 г. три новых кирасирских полка имели в строю лишь треть личного состава (остальные не имели выученных лошадей), а из 6 конно-гренадерских и драгунских полков (по 6 эскадронов в каждом) корпуса М. Г. фон Ливена удалось отобрать лишь 12 эскадронов, годных для участия в бою [Масловский 1886: 29–33]. Неудивительно, что в этих условиях Конференция министров при Высочайшем дворе (коллегиальный орган управления армией и внешней политикой в 1756–1762 гг.) решила более активно использовать иррегулярную конницу, которая не испытывала таких проблем с конским составом и выучкой личного состава. Известный военный историк и профессор Николаевской академии Генштаба Д. Ф. Масловский, который скептически оценивал роль иррегулярной конницы, в своем знаменитом труде о Семилетней войне писал: *«из 23 000 человек «нерегулярных», предназначенных к походу, половина по природным свойствам была неизмеримо выше искусственно воспитанной кавалерии... Совершенное разстройство нашей регулярной конницы во время войны с Фридрихом Великим само собой выдвигает на первое место войска „нерегулярная“»* [Масловский 1886: 52, [прил.] 181].

На самом деле, Конференция предназначила к походу еще больше людей (даже если не учитывать того, что Д. Ф. Масловский включил в число нерегулярной кавалерии 6 гусарских полков). Согласно плану от 6 апреля 1756 г., планировалось призвать на службу 19,5 тыс. сабель: 8 тыс. донских казаков, 541 чугуевского казака (треть из них — калмыки), 4 тыс. украинских казаков, 4 тыс. волжских калмыков, 2 тыс. башкир и мишарей, тысячу казанских татар. Соответствующий указ императрицы Елизаветы от 10 апреля 1756 г. потребовал от наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши собрать отборный 4-тысячный отряд «о двуконь», причем полностью вооруженный огнестрельным оружием.

На заседании 18 апреля было решено призвать дополнительно еще 4 тыс. украинских казаков, 4 тыс. калмыков, тысячу донских казаков, кампанейский полк (1 тыс. сабель) и 500 черкесов [Рахимов 2014: 137–138].

Отряды под командованием нойонов Баахан-Лаванга (внука Чагдорджаба) и Асархи (племянника предыдущего хана Дондук-Омбо) были укомплектованы уже к лету. Однако набор 8-тысячного ополчения (да еще и полностью вооруженного ружьями) в условиях набегов кубанцев и казахов и предстоящей тяжелой зимы показался Дондук-Даши весьма обременительным, и он обратился с просьбой об уменьшении «наряда». 16 февраля 1757 г. императрица уменьшила его численность до 5 тысяч воинов с *«калмыцкого обыкновения оружием»*. 11 марта Военная коллегия приказала отправить в армию С. Ф. Апраксина 2 тыс. калмыков, *«выбрав самых налутчих и сколько возможно панцырных и доброконных»*. Уже 6 июня этот отряд под командованием Баахан-Лаванга прибыл в Ковно и вошел в состав армии Апраксина. Остальные 3 тысячи под командованием Асархи несли службу под Царицыном. Из их состава 2 тыс. калмыков были откомандированы в Сибирь из-за разгрома Джунгарского ханства [Очиров 2009: 417]. Однако сведений, подтверждающих их службу на сибирских линиях в указанные годы, найти пока не удалось. Скорее всего, их вернули с полдороги.

Что касается тюрков, то осенью 1756 г. была сформирована и сразу выступила в армию С. Ф. Апраксина так называемая «разнонародная команда» из четырех пятисотенных полков разных народов, в которых числились: 531 башкир, 519 мишарей, 516 ставропольских калмыков, 500 казанских татар. Командирами полков были назначены местные старшины, например, Ставропольским полком командовал войсковой судья П. Торгоутский, а баширским — старшина Кара-Табынской волости К. Муллакаев [Рахимов 2014: 138]. По словам профессора Д. Ф. Масловского, *«все эти „разнонародныя“ команды оставили по себе память самых лихих наездников»* [Масловский 1886: 51]. Очень любопытны данные об их вооружении, приведенные Р. Н. Рахимовым: ставропольские

калмыки имели 67 сабель, 504 копья, 192 саадака, 333 ружья; башкиры — 58 сабель, 27 панцирей, 119 копий, 494 саадака; мишари — 206 сабель, 246 копий, 431 саадак, 86 ружей [Рахимов 2014: 140]. Как видно, калмыки почти все были вооружены копьями, но луки уже уступают место ружьям. У башкиров и мишарей главенствующим оружием пока остаются луки, при этом у мишарей довольно много копий и сабель.

Таким образом, из общей массы иррегулярных войск (в которые в то время включали и гусарские национальные полки) к тюрко-монголам можно отнести лишь две команды общей численности 4 тыс. всадников. Кроме того, примерно две сотни калмыков было в Чугуевском казачьем полку, 180 — в кампанейском казачьем полку и несколько сот калмыков — в донских казачьих полках. К. Н. Максимов оценил численность последних в 450 сабель [Максимов 2016: 75].

Следует заметить, что к тому времени в российской армии заметно возросла доля офицеров и генералов иностранного (европейского) происхождения, которые рассматривали тюрков и монголов Великой степи как орды ужасных дикарей и плохо представляли их боевые возможности. При отправке калмыцких отрядов в армию большое внимание уделялось тому, чтобы их маршрут пролегал вдали от поселений, а сами отряды сопровождался специальным конвоем из драгун, так как командование опасалось, что кочевники могут по пути разорить русские села. Складывается впечатление, что некоторые генералы российской армии того времени кочевников больше опасались, чем доверяли, хотя аналогичный поход 1 тыс. калмыков под командованием Басурман-тайджи в Лифляндию в 1746 г. прошел без эксцессов. Тем не менее калмыков вызвали на службу, так как главнокомандующий С. Ф. Апраксин настаивал на их включении в армию, поскольку *«звание оных великое у неприятеля уважение имеет»* [цит. по: Масловский 1886: 50–51].

Поначалу калмыков и *«разнонародную команду»* включили в *«легкий корпус»* Я. П. Сибильского, в составе которого они вступили в боевые действия. С первых дней войны легкая конница

вела активную разведку и совершала диверсии, в ходе которых рассеяла конные отряды противника. Население Восточной Пруссии, деморализованное слухами об «ужасных казаках и калмыках», покидало города. В кампании 1757 г. калмыцкие и турецкие отряды принимали участие во взятии Инстербурга и Алленбурга, в сражении при Гросс-Егерсдорфе. Однако вскоре русская армия остановила победное шествие на запад и отступила. За кампанию 1757 г. национальные формирования неоднократно удостоивались похвал и наград. Ставропольский полк получил за 3 месяца боев 3 рубля на бойца *«не в зачет жалованья»*. Главнокомандующий С. Ф. Апраксин писал: *«Я обойтись не могу об отменной храбрости сразившихся казаков, калмыков и гусар не донести»* [цит. по: Шовунов 1992: 227]. Вместе с тем служба в лесах и болотах Восточной Пруссии оказалась для калмыков тяжелой. Наибольшие потери они понесли не от врага, а от болезней. От оспы умер командир отряда нойон Лаванг; 19 февраля его преемник — тысячник зайсанг Бюрюн-Санг. Императрица Елизавета высоко оценила деятельность Баахан-Лаванга и в грамоте от 9 марта 1758 г., направленной Дондук-Даши (а марте 1757 г. возведенного в ханы), *«фамилии умершего владельца Лаванга за его отличные службы учинить высочайшее наше награждение»* [цит. по: Митиров 1998: 225].

Новый командующий В. В. Фермор, в отличие от С. Ф. Апраксина, скептически оценивал возможности иррегулярной конницы и перед началом кампании 1758 г. отправил большую ее часть домой, в том числе «ханских» калмыков, татар, башкир и мишарей. В историографии распространено мнение о том, что калмыки из-за оспы покинули действующую армию, причем этот слух подтверждают и современники [Прозоровский 2003: 49]. Однако сохранившиеся документы показывают, что калмыцкое войско было отпущено домой, при этом его разделили на пятисотенные команды, которые выступили поочередно и в сопровождении офицеров регулярных войск. Мало того, на смену этой команде согласно указу императрицы формировалось новое ополчение (1 тыс. чел.).

Из национальной конницы в армии остался лишь Ставропольский калмыцкий полк, а также Чугуевский казачий полк, треть которого была из калмыков. Они принимали участие во взятии Тильзита 2 января 1758 г., а затем в походе на Кенигсберг. Летом 1758 г. ставропольцы несли службу в составе 2-й дивизии А. М. Голицына, а чугуевцы — в 3-й дивизии П. А. Румянцева. Однако малочисленная иррегулярная конница действовала уже не так эффективно, как в первую кампанию. В последующие годы новый главнокомандующий П. С. Салтыков (бывший командующий украинской ландмилиции) восстановил «летучий корпус». Калмыки в составе отряда Г. фон Тотлебена участвовали в сражении при Пальциге в 1759 г., чугуевские калмыки в составе корпуса З. Г. Чернышева — во взятии Берлина в 1760 г.

Анализируя итоги войны, следует признать, что предвзятое отношение командования к иррегулярной коннице не позволило реализовать все ее возможности в Семилетней войне. Действия иррегулярной конницы в Восточной Пруссии по ведению «малой войны», аналогичные тем, что осуществлялись в Лифляндии в 1701–1704 гг. и в Польше и Украине в 1706–1709 гг. и будут осуществляться в России в 1812 г., теперь осуждались командованием. В самой Пруссии и Силезии «малая война» велась недостаточно активно, при этом командование старалось массировать иррегулярные силы, поручая им порой весьма значимые оперативные задачи. Захват Берлина в 1757 г. и 1760 г. в результате рейдов «летучих» отрядов А. Хадика и З. Чернышева соответственно тому яркое свидетельство. Между тем, основными целями «малой войны» являются не захваты столиц или бои с вражескими армиями, а ведение разведки, силовые действия на коммуникациях, прерывание путей сообщения и снабжения, уничтожение запасов продовольствия и фуража, мелких групп и баз обеспечения с целью истощения противника. Именно в таких боях получил свой первый командный боевой опыт пехотный подполковник А. В. Суворов, но иррегулярная кавалерия российской армии в 1760–1761 гг. была слишком слаба, чтобы повлиять на исход войны.

Складывается впечатление, что генералы российской армии, ведя «малую войну» в родных пенатах с максимальной эффективностью, выходя за границы империи и рефлексируя перед «просвещенной Европой», больше думали о «культурности» своих войск и старались сдерживать масштаб производимых войной разрушений. Именно поэтому они отказывались от наименее дисциплинированных формирований и предпочитали уменьшить силу и численность своих войск, нежели показаться «дикими азиатами» в глазах европейского обывателя. Но как долго смогла бы прусская армия продержаться в укрепленном лагере под Бреслау, если бы многотысячная иррегулярная конница отрезала ее от снабжения и связи со всей Пруссией, как Карла XII под Полтавой? И смог бы Фридрих II восстановить армию после разгрома под Кунерсдорфом, если бы ее бегущие остатки стала преследовать масса легкой кавалерии, подобно той, что была у А. Д. Меншикова под Переволочной? Увы, Семилетняя война для российской армии стала серией упущенных возможностей, которыми блестяще воспользовался Фридрих II, заслуженно получивший славу великого полководца.

В последующие годы российская армия стала усиливаться, особенно в период правления Екатерины II. Был проведен ряд военных реформ, которые значительно усилили боеспособность российских войск, позволив им одержать множество побед в ряде войн 2-й пол. XVIII в. Наиболее значимыми из них стали реформы Г. А. Потемкина, которому удалось наконец создать сильную регулярную кавалерию, способную на равных противостоять любой европейской коннице. Одновременно с этим началось усиление абсолютизма, которое выразилось в том числе и в ликвидации всех автономных образований в империи и выстраивании единой административной иерархии. В этих условиях роль иррегулярной конницы в целом, и национальной конницы в частности, должна была уменьшиться. Действительно, у башкир, мишарей, тептярей и ставропольских калмыков в конце XVIII в. прошла кантонная реформа, которая в значительной степени регламентировала жизнь этих инородцев. С ликвидацией ханства в 1771 г. изменилась и система несения военной службы калмыков в составе российской армии. Если раньше

калмыки самостоятельно формировали свои контингенты, определяли внутреннюю структуру, командный состав, вооружение и т. д., то теперь их стали переводить на общие стандарты иррегулярных войск русской армии. Если в 1783 г. отряд из 3 500 конников под командованием Тюменя-Джиргалана, направленный в состав Кубанского корпуса А. В. Суворова, комплектовался традиционным способом, то уже в 1795–1796 гг. во время 2-го Персидского похода в Кубанский корпус И. В. Гудовича был послан пятисотенный полк Сербеджаба Тюменя, сформированный и вооруженный по разрядам, спущенным из Петербурга.

Следует заметить, что в начале XIX в. в военном ведомстве активно обсуждался вопрос о переводе калмыков в регулярную конницу. Один из офицеров — подполковник А. В. Круль даже направил императору Александру I проект по организации *«необыкновенной конницы из калмыков»*, которые *«являясь по природе своей лихими и бесстрашными наездниками, могут без труда преодолевать реки, горные массивы, огромные расстояния и неожиданно нападать на противника, перехватывать его курьеров, ликвидировать обозы, разрушать мосты на пути и в тылу неприятеля»* [Шовунов 1990: 11–12]. Использовать калмыки должны традиционное вооружение, А. В. Круль даже предлагал вызывать на смотр в столицу 500 калмыков в «кольчугах» и с колчанами. Кроме того, автор проекта утверждал, что *«если научатся полевым и им привычным движениям, превзойдут всегда по легкости своей не только кроатов, но и всякого рода конницы»* [цит. по: Шовунов 1990: 12]. Однако верх в дискуссии одержали сторонники полного сохранения калмыцкой иррегулярной конницы с огнестрельным вооружением.

Следует заметить, что неправота А. В. Круля в данном случае не столь уж и очевидна. Конечно, огнестрельное оружие превосходит лук и стрелы по своему останавливающему действию и бронепробиваемости. Однако в XVIII – нач. XIX в. регулярные войска были вооружены в основном кремневыми гладкоствольными и дульнозарядными ружьями (мушкетами, фузеями и др.), которые стреляли (в зависимости от модели и качества оружия) на 100–

150 м и имели среднюю скорострельность примерно в 2 выстрела в минуту [Земцов 2018: 288]. Нарезные дальнобойные штуцеры для прицельной стрельбы в европейских армиях появились лишь в конце XVIII в., но и они были дульнозарядными, поэтому их скорострельность могла достигать 1 выстрела в 5 минут. Кавалеристы в большинстве случаев имели на вооружении укороченные варианты оружия (мушкетоны, карабины, а то и вовсе пистолеты). Монгольские составные луки били на такое же расстояние и даже дальше — до 200 м. Правда, прицельная дальность стрельбы из лука в реальном бою составляла 40–100 метров, но при стрельбе по скученным массам можно было использовать залпы по площадям. А превосходство лука в скорострельности над мушкетами и фузеями и вовсе было многократным.

Если же говорить о холодном оружии, то тюрко-монгольский всадник в кольчуге или ином доспехе имеет явное преимущество над европейскими кавалеристами (за исключением кирасиров). А ведь, например, калмыки могли еще использовать копейный удар, который в Европе нач. XIX в. практиковался только у уланов. Конечно, не все всадники имели такое вооружение, но воин, вооруженный только луком, ближнего боя избегал. Таким образом, единственной для европейца возможностью одолеть тяжело- или средневооруженного кочевника в ближнем бою был пистолет, который в суতোлке схватки еще надо было как-то зарядить. Главными недостатками иррегулярной конницы были ее слабая дисциплина, не умение держать строй и совершать сложные перестроения (также как и их скакуны).

Наполеоновские войны стали «лебединой песней» иррегулярной конницы, в которых она блестяще показала свои лучшие стороны и боевой потенциал. Особенно больших успехов добились донские казаки под командованием атамана М. И. Платова, однако национальные формирования также продемонстрировали свою эффективность. Я не буду рассматривать в данной статье участие национальных формирований в наполеоновских войнах, поскольку даже краткий обзор их боевого пути займет несколько десятков страниц. Кроме того, в историографии истории национальных ча-

стей российской армии период наполеоновских войн является одним из наиболее изученных, если не самым изученным. Поэтому интересующихся историей формирования и боевого пути национальных полков отсылаю к трудам своим и своих коллег [Калинин 2007; Максимов, Очиров 2012; Рахимов 2013; Рахимов 2014 и др.], а здесь сразу перейду к выводам.

Война 1805 г. хорошо показала значение и важность иррегулярной конницы. Ведь одним из факторов, приведших к поражению русско-австрийских войск, стала нехватка легкой кавалерии: из российской иррегулярной конницы в Австрии сражалось всего 10 донских казачьих полков. В результате они не смогли постоянно и точно вскрывать все передвижения войск Наполеона и направления его коммуникационных линий. Мало того, они не смогли создать плотную завесу прикрытия от разведки противника, что также сыграло свою роль в поражении войск третьей коалиции под Аустерлицем.

Эта ошибка была учтена, и в новой войне, к которой Россия сразу стала готовиться, количество иррегулярных полков увеличилось. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 донских полков (в том числе 8 — в казачьем корпусе М. И. Платова). Кроме того, в армию было вызвано еще 14 донских полков, а в ноябре 1806 г. вышли указы о наборе 10 башкирских, тептярского, 10 калмыцких, Ставропольского калмыцкого, 2 уральских и 2 оренбургских казачьих полков, в январе 1807 г. — еще 10 башкирских полков [Максимов, Очиров 2012: 269, 273; Рахимов 2014: 204]. Как уже говорилось ранее, калмыцкое ополчение еще с конца XVIII в. формировалось и вооружалось по спущенным сверху штатам, которые командование российской армии старалось унифицировать со штатами донских казачьих полков. В калмыцком ополчении 1807 г. было 5 186 всадников, которые имели 10 278 лошадей и 215 верблюдов, 2 850 ружей, 2 424 пики, 866 сабель [Беликов 1965: 115]. Как видно, к тому времени калмыки по-прежнему действовали «о дву-конь», но более половины всадников были вооружены ружьями, которые вытеснили лук и стрелы как вид вооружения. Вместе с тем, пики все еще оставались главным видом

оружия рукопашного боя. Что касается башкир, тептярей и ставропольских калмыков, то и у них переход на полковую организацию окончательно произошел в конце XVIII в. Однако вооружение во многом оставалось традиционное, в том числе луки и стрелы. Именно поэтому французы, впервые столкнувшись с башкирами, прозвали их «северными амурами» или «злыми купидонами» [Рахимов 2014: 222]. Казачьи полки показали себя хорошо, однако национальные части были вызваны в действующую армию слишком поздно. На войну успели попасть лишь 4 башкирские пятисотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк, и к тому времени их участие на исход войны, проигранной в сражении 2 июня 1807 г. под Фридландом, никак повлиять не могло.

К войне 1812–1814 гг. обе стороны готовились заранее. В Великой армии, направленной против России в 1812 г., были собраны войска почти со всей континентальной Европы. Кроме французских соединений, в Великой армии числились пять германских и один польский корпус (не считая отдельных дивизий и полков), итальянские дивизии, голландские, датские, швейцарские, хорватские, португальские, испанский полки. Неслучайно вторжение войск Наполеона часто именовали нашествием *«галлов с двенадцать языцы»*. Для его отражения Россия мобилизовала огромные силы, в том числе 31 пятисотенный полк, составленный из тюрко-монгольских народов (20 башкирских, 4 крымско-татарских, 3 калмыцких, 2 мещеряжских, 2 тептярских). Иррегулярная конница (донские, малороссийские, украинские, бугские, черноморские, оренбургские, уральские казаки, калмыки, татары, башкиры, мишари, тептяри и др.) сыграла важную роль в войне 1812–1814 гг., и национальные полки внесли достойную лепту в победу над лучшей армией того времени.

При анализе истории формирования национальных полков в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. следует отметить такую деталь. Несмотря на стремление к унификации национальных частей, они имели разное вооружение: калмыцкие полки по настоянию командования были полностью вооружены огнестрельным оружием, вытеснившим лук и стрелы,

в то время как для тюркских частей было характерно преобладание традиционного оружия. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением Р. Н. Рахимова о том, что перевод на полковую организацию приблизил национальные формирования к «европейским стандартам» войны, а почти идентичные штаты позволяли быстрее и эффективнее *«решать вопросы боевого планирования, снабжения и передвижения войск»* [Рахимов 2014: 224].

В кампании 1812 г. иррегулярные полки, отличавшиеся легкостью и мобильностью, прекрасно вписались в так называемую «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале войны. Конечно, особенно блестяще в рамках этой стратегии иррегулярные полки показали себя при ведении «малой войны». Действуя небольшими партиями, отдельными частями или в составе летучих корпусов, национальные формирования приняли участие во многих операциях «малой войны»: проведении разведки и прикрытии своих войск и коммуникаций, прерывании снабжения и связи, уничтожении пополнений, запасов продовольствия и фуража, нападениях на гарнизоны, отряды и даже соединения на флангах и в тылу противника. Эти, казалось бы, мелкие акции в сумме складывались в значимые операции, серьезно влиявшими на исход войны. Например, Ставропольский калмыцкий полк в составе летучего корпуса Ф. Ф. Винцингероде участвовал в налете на Велиж 27 июля, что вынудило Наполеона отвлечь против них большие силы кавалерии и 15-ю дивизию Д. Пино, которая на день опоздала к Бородинской битве. А ведь в том сражении судьба российской армии была, что называется, «на волоске», и лишняя дивизия противника вполне могла бы решить исход битвы и даже войны. Затем летучий корпус сражался с армейским корпусом Богарне под Звенигородом, блокировал Москву с севера, преследовал отступающего противника и принял участие в поражении корпуса Богарне на р. Вопь [Очиров 2020б]. Успех в «малой войне» стал ключевым фактором для того, чтобы Великая армия, которая в первые четыре месяца войны не проиграла ни одного крупного сражения и захватила Москву, на пятом месяце проиграла кампанию и, в конечном итоге, всю войну.

Помимо действий в «малой войне», иррегулярные национальные полки принимали участие во многих батальных вместе с регулярными частями и соединениями (в том во всех генеральных сражениях), в авангардных и арьергардных стычках, в кавалерийских завесах по прикрытию марш-маневров крупных объединений, осадах и блокадах крепостей и т. д. Ряд иррегулярных частей прошли славный боевой путь от России до Франции без переформирования и даже без пополнений. Командный состав национальных полков за отличия мог награждаться орденами и действительными чинами по «Табели о рангах» с соответствующими льготами и привилегиями. Тем самым представители национальных элит успешно интегрировались в имперское сословное общество.

Многие иррегулярные национальные полки по мере накопления опыта успешно противостояли более тяжелой кавалерии, неоднократно наносили поражение пехотным колоннам и захватывали вражеские батареи. Например, 2-й Калмыцкий полк под командованием майора нойона С. Тюменя в кампании 1812 г. в лобовом столкновении опрокинул саксонских шеволежеров в бою 18 июля под Пружанами и литовских улан в бою под Слонимом 7 октября. В кампании 1813 г. полк Тюменя участвовал в блестящем для российской конницы сражении на Кацбахе 14 августа, в бою под Элленбергом 23 сентября истребил два драгунских эскадрона, а в титанической «Битве народов» под Лейпцигом атаковал вражескую батарею, захватив несколько пушек. Наконец, в кампании 1814 г. 2-й Калмыцкой полк в бою под Сезанном 13 февраля разбил два эскадрона кирасиров, в бою под Муа 15 февраля — эскадрон мамилуков Императорской гвардии, в бою при Суассоне 1 марта опрокинул колонну пехоты [Очиров 2020a]. В сражении при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г. конники Тюменя, *«презирая всю опасность и жертвуя отважно собою несмотря на сильные неприятельские из пушек ядрами, гранатами и картечью выстрелы и ружейные залпы со всею неустрашимостию врубались в неприятельские колонны»* и захватили вражескую батарею [РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 72. Л. 8, 30, 35об.]. Немало аналогичных примеров можно найти в описаниях боевых действий тюркской конницы [Рахимов 2013; Рахимов 2014].

Как видно, иррегулярные полки (в том числе национальные) в своих действиях фактически приблизились к регулярной кавалерии, что заметно усилило их боевые качества. Однако война 1812–1814 гг. стала последней, в которой народы России столь массово формировали свои национальные части. Усиливающееся «опруссачивание» армии, схоластичное заимствование принципов европейской военной школы, приведшие к распространению доктринёрства, не оставляли места для иррегулярной конницы. Даже казачьи войска подверглись значительным реформам, превратившим их в регулярную кавалерию. Что касается национальных частей, то калмыков (за исключением калмыков-казаков), оказавшихся в начале XIX в. уже довольно далеко от границ постоянно расширяющейся империи, после наполеоновских войн перестали призывать на военную службу. Ставропольское калмыцкое войско в 1842 г. влило в состав Оренбургского казачьего войска и переселили на Новую линию. Башкиро-Мещерякское войско (с 1855 г. переименовано в Башкирское после присоединения тептярских полков) продолжало нести *«службу трудную»*. Но после Кокандских походов 1850 и 1852 гг., захвата Ак-Мечети и строительства новых пограничных линий нужда в охране Оренбургской линии отпала, и в 1865 г. Башкирское войско было упразднено.

При общем анализе действий тюрко-монгольских кочевников в составе вооруженных сил России в XVIII – нач. XIX в. видно, что они в первую очередь использовались в Великой степи, в районах своего проживания: калмыки — в Северном Причерноморье и Северном Кавказе для борьбы с крымскими татарами и ногайцами; башкиры, мишари, тептяри, ставропольские калмыки, сибирские татары – в Южном Приуралье и Южной Сибири для охраны степной границы; буряты (с эвенками) — в Забайкалье также для охраны границы. Использование других народов (казанские и астраханские татары) на военной службе постепенно сокращалось. Помимо этого, тюрко-монгольская конница принимала участие и в войнах на европейских театрах, в том числе и в трех крупнейших войнах исследуемого периода — Северной 1700–1721 гг., Семи-

летней 1756–1763 гг., Отечественной 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг.

Следует подчеркнуть, что наибольших успехов тюрко-монгольская конница добивалась, когда имела возможность полностью реализовать свои преимущества и использовать привычную для кочевников тактику. В стратегическом плане нельзя не отметить роль калмыцкой армии на кубанском театре военных действий в ходе русско-турецких войн. Калмыки при минимальной поддержке союзников (до 5 тыс. сабель) полностью брали на себя ведение боевых действий в этом регионе, благодаря чему Россия могла высвободить силы для основных театров военных действий. После откочевки 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства на этот театр пришлось вводить регулярные корпуса и дивизии, переселять казачьи войска, строить протяженные укрепленные линии. В течение исследуемого периода тюрко-монгольские воинские формирования российской армии пережили заметную эволюцию. Если в начале XVIII в. указанные народы сами формировали свои воинские контингенты, то уже к концу XVIII в. все национальные формирования были переведены на полковую организацию по примеру донских полков.

В войнах России в XVIII в. тюрко-монгольская конница составляла значительную часть российской армии. Империя с обширной территорией и протяженной границей нуждалась в огромных вооруженных силах (которые были крупнейшими в Европе), и использование иррегулярной конницы позволяло значительно экономить финансовые и материальные ресурсы. Кроме того, военная служба нерусских народов в составе российской армии оказалась одним из самых действенных путей интеграции их национальных элит в имперское общество.

Источники¹

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ.

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

¹ Список источников и литературы в обеих частях статьи приводится полностью.

- Письма... 1951а — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2 (Примечания к № 2461–2953, напечатанным в первом выпуске VIII тома). М.: АН СССР, 1951. С. 411–1178.
- Письма... 1951б — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (Январь–декабрь 1709 г.). М.: АН СССР, 1950. 526 с.
- Письма... 1951в — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2 (Примечания к № 2954–3560, напечатанным в первом выпуске IX тома). М.: АН СССР, 1951. С. 531–1619.
- Разрядная книга 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I / сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. 460 с.

Литература

- Батмаев 2009 — *Батмаев М. М.* Участие калмыков в войнах России с 50-х гг. XVII в. до 1725 г. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 377–385.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. / упорядник Д. Тоїчкін; Інститут історії України НАН України; Національний військово-історичний музей України. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Броневский 1834 — *Броневский В. Б.* История Донского войска. Ч. III. СПб.: Типография заготовления Государственных бумаг, 1834. 214 с.
- Волков 2020 — *Волков В. А.* Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.

- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
- Захаревич 2012 — *Захаревич А. В., Очиров У. Б.* Калмыки и донские казаки на службе в калмыцком ополчении 1808 года на Кавказской линии (к постановке проблемы) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Мат–лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 121–129.
- Земцов 2018 — *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
- Иванюк 2019 — *Иванюк С. А.* Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 352 с.
- История... 1995 — История казачества Азиатской России. В. 3 т. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1995. 316 с.
- История... 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Калинин 2007 — *Калинин С. Е.* Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26–38.
- Кротов 2018 — *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог, 2018. 640 с.
- Лобин 2009 — *Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 45–78.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Маннапов 2008 — *Маннапов М. М.* К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Завол-

- жье // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3 (60). С. 156–159.
- Масловский 1886 — *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-й. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М.: Типография Окружного штаба, 1886. [678] с. разд. паг.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах в 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 410–420.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // Калмыки (серия «Народы и культуры»). М.: Наука 2010. С. 35–47.
- Очиров 2020a — *Очиров У. Б.* 1st and 2nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: P. 604–613.
- Очиров 2020b — *Очиров У. Б.* Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. P. 993–1002.
- Очиров, Лиджиева 2019 — *Очиров У. Б., Лиджиева И. В.* Калмыки в составе Российского царства и империи // Электронный научно-образовательный журнал «История». [Электронный ресурс] 2019. Т. 10. // URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1> (дата обращения: 01.10.2020)
- Пенской 2008 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.
- Пенской 2010 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.
- Потто 1887 — *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Потто 1912 — *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 т. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. IX+118 с.
- Прозоровский 2003 — *Прозоровский А. А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: Российский архив, 2003. 784 с.

- Прозрителев 1990 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII с.
- Пузанов 2016 — *Пузанов В. Д.* Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 61–67.
- Рахимзянов 2009 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (Казань, 17 октября 2009 г.). Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 170–174.
- Рахимов 2011 — *Рахимов Р. Н.* «Представления барона Игельстрема» как план реформирования Оренбургского корпуса // Человек — текст — эпоха. Сб. науч. статей и мат-лов. Вып. 4. Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск: изд-во Томского ун-та, 2011. С. 115–121.
- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. Москва: ИД Клио, 2013. 104 с.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Соловьев 1993 — *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Джунгары на Юге России в конце XVII в. // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 12–18.
- Чонов 2006 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.